

щенной земле. Если же нет, то я во всем полагаюсь на господу.

Никола Миди остолбенел. Потом закричал в ярости:

— Ну и подыхай, как собака!

Из «милосердных увещаний» ничего не вышло. Тогда решили прибегнуть к последнему средству.

Во время очередного «увещания» в камеру вошел странный человек. Он был одет в красный костюм и кожаный фартук. За ним следовал другой, несший какие-то предметы. Епископ подал знак. Тогда красный стал не спеша показывать Жанне мудреные инструменты и объяснять назначение каждого из них.

Судьи наблюдали.

Что, поняла, проклятая еретичка? То-то, как побледнела! Вот когда палач пройдет по твоему непорочному телу этими шуковинками, когда тебе вырвут ногти, а в колени забьют эти колышки, тогда ты, вероятно, станешь посговорчивей!..

Палач долго объяснял.

Затем мэтр Эстиве «кротко» обратился к Жанне, советуя ей еще раз подумать...

Девушка сказала:

— Делайте, что хотите. Но знайте одно: если мне вывернут все члены, то и тогда я не скажу ничего другого. А в случае, если тело не вынесет мучений и с языка сорвется лишнее, я потом все равно откажусь от сказанного.

Мэтр Эстиве посмотрел на епископа. Епископ пожал плечами.

...От пытки все же решили отказаться. Жанна была очень слабой и могла не выдержать. Смерти больной англичане бы не простили. Кроме того, изуродованная девчонка не имела бы должного вида во время публичной казни. А главное, что толку было пытаться, если потом, на людях, она все равно отреклась бы от сказанного.